

Очередной день, и Се Хуайде снова вошел в класс с темными кругами под глазами.

Он плохо спал ночью: в голове раз за разом всплывал образ Сюй Чжися на баскетбольной площадке и эта проклятая фраза: «Тебе меня не победить». Она вызывала в нем удушливое чувство, словно его принизили, словно он оказался у кого-то на коротком поводке.

Когда он вошел в класс, его лицо было еще мрачнее, чем вчера. Сидящие впереди ученики, стоило ему пройти мимо, инстинктивно втягивали головы в плечи, боясь даже лишний раз вздохнуть.

Сюй Чжися уже сидел на своем месте и записывал английские слова. Его рука двигалась легко, почерк был четким и аккуратным. Утренний свет пробивался сквозь окно, падая на его опущенные ресницы и отбрасывая на щеки крошечные тени. В глазах Се Хуайде это эталонное поведение примерного ученика выглядело особенно раздражающим.

Се Хуайде молча опустил на стул, сделав это с таким нарочитым шумом, что ножки мебели неприятно скрежетнули по полу.

Сюй Чжися на мгновение замер, закончил писать последнее слово и лишь тогда искоса взглянул на соседа. Взгляд его был абсолютно спокойным, словно он смотрел на какой-то неважный предмет, и тут же вернулся к тетради.

Такое полное игнорирование заставило ярость Се Хуайде вспыхнуть с новой силой. Он резко дернул рукой, вытащил из парты измятый учебник математики и с грохотом швырнул его на столешницу.

Раздался глухой стук.

Учительница английского, проверяющая порядок во время утреннего чтения, нахмурилась и посмотрела на задние ряды, но в итоге предпочла промолчать. Остальные ученики и вовсе притихли, словно воды в рот набрали.

Сюй Чжися даже не поднял головы — казалось, рядом с ним сидит не пороховая бочка, готовая взорваться от любой искры, а пустое место.

Первым уроком была физика. Учитель, мужчина средних лет с неординарным мышлением, любил после объяснения базовых концепций предлагать классу довольно сложную задачу на доске.

— Эта задача затрагивает аспекты олимпиадного уровня, желающие могут попробовать свои силы.

Большинство учеников при виде запутанной схемы электрической цепи и условий задачи

нахмурились и поспешно опустили головы, делая вид, что заняты записями.

Се Хуайде, маясь от скуки, крутил в пальцах ручку, блуждая взглядом по доске. Все эти символы и линии сливались в его голове в неразбериху. Раздраженно цокнув языком, он шлепнул ручкой по столу и приготовился снова уткнуться лицом в парту.

И тут он заметил, что Сюй Чжися пошевелился.

Сюй Чжися не стал сразу писать. Он смотрел на условие, машинально выводя пальцем какие-то линии на черновике, словно выстраивал модель в уме. Через несколько минут он взял ручку и начал делать расчеты.

Его движения были неспешными и уверенными, ход мыслей — ясным. Если он и замирал, то лишь для того, чтобы сверить какой-то промежуточный результат.

Се Хуайде, поддавшись странному порыву, не стал ложиться. Он замер в полупозе, опираясь на локоть, и краем глаза следил за черновиком соседа. Почерк там был все таким же аккуратным, шаги решения — четкими. Он наблюдал за тем, как одна формула вытекает из другой, и к своему удивлению начал улавливать логику.

Когда Сюй Чжися вывел окончательный ответ и отложил ручку, учитель физики как раз прохаживался мимо их ряда.

Он взял черновик Сюй Чжися, просмотрел его и одобрительно кивнул:

— Ход мыслей очень ясный, метод изящный. Неплохо.

Он положил черновик обратно, а затем его взгляд упал на Се Хуайде, который явно витал в облаках (или, вернее, тайком подглядывал в чужую работу). Учитель привычно, с ноткой безнадежности, покачал головой и пошел дальше.

Это легкое движение головы вонзилось в сердце Се Хуайде, словно игла. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Опять то же самое. Это незримое ощущение, будто он по своей природе стоит ниже других.

Прозвенел звонок. Учитель физики едва успел выйти из класса, как Се Хуайде резко вскочил со стула.

От резкого движения он ударился коленом о край парты, издав приглушенный звук. Он поморщился от боли, но стиснул зубы, не желая показывать слабость. Бросив свирепый взгляд на Сюй Чжися, который по-прежнему сидел невозмутимо, как гора, он, прихрамывая, быстрым шагом вышел из класса.

Ему нужно было покинуть это удушающее место, уйти подальше от Сюй Чжися с его вездесущим «совершенством», на фоне которого он выглядел как никчемный неудачник.

Он просидел в туалетной кабинке всю перемену, прислонившись к холодной перегородке, пытаясь утихомирить kloкочущую в груди злобу.

Вернувшись, он обнаружил, что второй урок уже начался. Се Хуайде с мрачным видом сел на место, излучая ауру, которая словно говорила: не подходи ко мне.

Сюй Чжися рядом с ним разбирал записи с прошлого урока. Се Хуайде заметил, что помимо учебников и тетрадей, у того лежит увесистая книга «Краткое изложение специальной и общей теории относительности». Обложка была потертой — видно, что книгу читали много раз.

Читает такое? Рисуется.

Се Хуайде мысленно фыркнул, но не удержался и бросил еще один взгляд на обложку.

Весь день они так и не обменялись ни словом. Однако Се Хуайде обнаружил, что больше не может просто игнорировать Сюй Чжися, как вчера. Он невольно следил за тем, что делает сосед, какие книги читает, на какие вопросы отвечает. Даже когда Сюй Чжися вставал из-за парты, взгляд Се Хуайде невольно провожал его фигуру, пока тот не исчезал за дверью.

Этот неконтролируемый интерес бесил его еще больше.

После обеда был урок самоподготовки. Учитель Ли зашел проверить порядок, сделал круг по классу и остановился у их парты.

Сначала он взглянул на открытый перед Сюй Чжися сборник олимпиадных задач и удовлетворенно кивнул, а затем повернулся к Се Хуайде. Стол Се Хуайде был пуст, на нем не лежало даже ручки — он смотрел в окно и складывал бумажную бабочку.

— Се Хуайде, — учитель Ли постучал по его парте, — ты уже два дня в новой обстановке. Как успехи в общении с новым соседом?

Се Хуайде даже не повернул головы и отрезал холодным тоном:

— Некогда.

Учитель Ли, казалось, давно привык к его манерам и не разозлился. Вместо этого он обратился к Сюй Чжися:

— Чжися, если у него возникнут вопросы, помогай ему почаще.

Сюй Чжися поднял голову, взглянул на учителя Ли, затем перевел взгляд на напряженный профиль Се Хуайде и на бумажную бабочку, которую тот сжимал в пальцах до деформации, и негромко ответил:

— Хорошо.

Для Се Хуайде это «хорошо» прозвучало как небрежное одолжение, что взбесило его еще сильнее. Помогать? Кто просил его помогать?

Когда учитель Ли ушел, Се Хуайде резко развернулся к Сюй Чжися и, понизив голос, бросил с явным вызовом:

— Не лезь не в свое дело.

Сюй Чжися закрыл сборник задач и спокойно посмотрел на него. В его глазах не было ни капли обиды или гнева, скорее... нечто похожее на наблюдение. Он изучал Се Хуайде несколько секунд, прежде чем заговорить — негромко, но так, что каждое слово отчетливо донеслось до слуха соседа:

— Чтобы складывать бумажных бабочек, нужно очень спокойное сердце.

Зрачки Се Хуайде сузились, пальцы, сжимавшие бабочку, непроизвольно напряглись.

Сюй Чжися, сказав это, больше не смотрел на него. Он снова открыл книгу по теории относительности, будто только что мимоходом прокомментировал погоду.

А Се Хуайде застыл на месте.

Откуда Сюй Чжися узнал, что он складывает бабочку? Он ведь смотрел в окно... И к тому же, что это значит? Намек на то, что у него внутри нет покоя? Или...

Чувство унижения от того, что его видят насквозь и препарируют, накрыло его с головой. Это было гораздо невыносимее, чем простое физическое давление. Он чувствовал себя как бабочка, приколотая к доске экспоната, и вся его суетливость и тревога оказались на виду.

Он в упор смотрел на четкий профиль Сюй Чжися и впервые ясно осознал: этот молчаливый сосед куда сложнее, чем он мог себе представить.

Это безмолвное противостояние из односторонней неприязни начало перерастать в нечто более сложное и запутанное.

И он еще не знал, что эта вражда, начавшаяся с фразы «тебе меня не победить», приведет его туда, где он совсем не ожидал оказаться.

<http://bllate.org/book/21841/2264360>